

Глава 22. Свиной садок

Чжао Лои оглянулся. Ли Мэн с головой зарылся в теплое одеяло, из-под которого испуганно поблескивали лишь темные, круглые, как бусины, глаза.

— Ты зачем здесь?

Чжао Лои стоял на пороге в распахнутом просторном халате. На его крепкой груди багровел старый жуткий шрам. Он холодно смерил взглядом незваного гостя, даже не думая впускать того внутрь.

Хо Ляньюнь промок до нитки — вода ручьями стекала с волос и одежды. На руке, сжимавшей эфес меча, лопнула кожа между большим и указательным пальцами; его зеленый халат потемнел от сырости.

Дверь за спиной Чжао Лои тихо захлопнулась. Хо Ляньюнь едва заметно поморщился, но смолчал. Он послушно последовал за ним под навес галереи и лишь тогда негромко произнес:

— Здесь не место для разговоров...

— Ли Мэн уже спит, — сухо отозвался Чжао Лои.

— Дело не терпит отлагательств...

Взгляд, которым Чжао Лои одарил гостя, был тяжелым и властным. Хо Ляньюнь осекся на полуслове, растерянно уставившись на собеседника.

— Жди здесь, — бросил Чжао Лои.

Ледяной ветер, ворвавшись под воротник, заставил Хо Ляньюня зябко поежиться. Под карнизом крыши уныло звякали медные колокольчики. Он зачесал намокшие пряди назад, убирая их со лба. Он прищурился, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Чжао Лои, и в нем вспыхнула холодная злоба вперемешку с глухой обидой.

Чжао Лои снял для приятеля соседнюю комнату. К полночи ливень утих, но сырость и промозглый холод никуда не делись. Видя, что Хо Ляньюнь мелко дрожит от холода, он спустился вниз и принес жаровню с углями.

Устроившись на низком табурете, он принялся раздувать угли. Из-за ширмы донесся плеск воды.

— Стоило вам войти в город, как вам тут же сели на хвост, — слышался голос из-за ширмы.
— И только ты мог без тени сомнения завалиться в первую попавшуюся таверну.

Хо Ляньюнь вышел, обтирая покрасневшую от горячей воды шею. Он был поджар и жилист. Сейчас на его лице не было и следа привычной шутилки — он выглядел на редкость серьезным.

— Когда выдвигаемся в поместье семьи Ван? Надеюсь, вы с учеником не собираетесь и дальше прохлаждаться, любуясь местными красотами? Бросили меня в Фэнъяне, и я уже полмесяца торчу тут, прячась по углам. Жизнь благородного маркграфа в бегах, знаешь ли, не сахар.

Закончив умываться, он уселся на край постели. Зажав зубами один конец бинта, Хо Ляньюнь попытался левой рукой перевязать раненую правую ладонь. Сделать узел одной рукой никак не получалось, и он нетерпеливо мотнул головой в сторону Чжао Лои, прося о помощи.

Чжао Лои поднялся и молча забрал у него бинт. За долгие годы совместных вылазок им не раз приходилось латать друг друга. Для него подобные царапины вообще не стоили внимания — случись такое с ним, он бы и бровью не повел.

— Я бы и один справился, — сухо бросил Чжао Лои.

Хо Ляньюнь даже хмыкнул от возмущения:

— Три месяца за тобой по пятам шел, и вот она, твоя благодарность? Забыл заветы учителя? «Идя в паре, оберегайте жизнь побратима пуще собственной».

— Не забыл, — Чжао Лои нетерпеливо покосился на дверь.

— Псы из Наньмэй все еще у тебя на хвосте? — как бы между прочим поинтересовался Хо Ляньюнь.

— Сбросил, — отрезал Чжао Лои.

— И зачем тебя вообще понесло в Наньчжоу? Выгорело дело-то?

— Наполовину, — Чжао Лои так и не объяснил, какая нужда заставила его сделать крюк через Наньчжоу.

Хо Ляньюнь проявил живой интерес. Облегченно вздохнув, он добавил:

— И то ладно. На днях Старший прислал весточку с голубем. Проведал, что мы вместе, и

просил передать тебе письмо. Прочти.

Конверт, который Хо Ляньюнь бережно хранил у самого сердца, остался сухим. Чжао Лои принял его двумя пальцами, и он на мгновение смягчился.

— Ты читал?

Хо Ляньюнь кивнул:

— Пришлось. Я ведь не знал, когда ты объявишься в Фэнъяне. Люди Сяо Чанчу, потеряв твой след, так и вились поблизости. Они караулили меня, не подозревая, что сами у меня под прицелом. Твоё появление в городе переполошило их, а мне лишь помогло быстрее выйти на тебя. Мы уже успели схлестнуться, и они знатно получили по зубам. Но задерживаться здесь нельзя, нужно уходить, пока они не опомнились.

Спрятав письмо за пазуху, Чжао Лои на мгновение задумался, а затем твердо произнес:

— Выдвигаемся немедленно.

Ли Мэн честно пытался дождаться возвращения учителя, чтобы перекинуться парой слов, но теплое одеяло разморило его, и он сладко уснул. Очнулся мальчик от того, что Чжао Лои уже вовсю одевал его. Стараясь не тревожить чуткий сон ребенка, тот бесшумно проделал все сам, но стоило ему прижать к лицу Ли Мэна мокрое холодное полотенце, как мальчик вздрогнул и окончательно проснулся.

В глухую полночь они покинули постоянный двор. Ли Мэна устроили в седле перед Чжао Лои. В ночной тишине никто не проронил ни слова. Мерный шаг лошади вскоре убаюкал мальчика, и он послушно задремал, уткнувшись в широкую грудь учителя. Так они и ехали до самого рассвета.

К утру впереди показались очертания небольшого поселения, над крышами которого мирно вились сизые струйки печного дыма.

Чжао Лои бережно спустил сонного ученика на землю. Тот попытался сделать шаг, но он задрожал, так как ноги затекли от долгой скачки. Ли Мэн потянулся к деревянной скамье у дороги, но промахнулся и с глухим стуком шмякнулся прямо на пятую точку.

Хо Ляньюнь не сдержался и весело прыснул.

Стоявший рядом конь испуганно переступил копытами и попятился.

Сгорая от стыда, Ли Мэн торопливо вскочил, отряхнул штаны, и от сна не осталось и следа.

Вскоре перед ними исходили паром три глубокие пиалы с наваристой лапшой и сочной говядиной.

Чжао Лои привычным жестом переложил все лучшие куски мяса в чашу ученика и принялся за еду.

— Мы держим путь в поместье семьи Ван? — шепотом спросил Ли Мэн, наклонившись к учителю.

Чжао Лои, не отрываясь от трапезы, лишь безучастно кивнул в ответ. Помолчав, он добавил:

— Твой дедушка-наставник занемог. Нужно закончить здесь поскорее и вернуться в Жуйчжоу, навестить его. — Заметив прилипшую к подбородку мальчика лапшинку, Чжао Лои мимоходом смахнул ее пальцем.

— Смотрю я на вас, и сдается мне, вы знатно сблизились за это время, — ревниво хмыкнул Хо Ляньюнь.

— Завидуешь? Заведи своего, — Чжао Лои едва заметно усмехнулся.

Ли Мэн густо покраснел. Уткнувшись в чашу, он прилежно заработал палочками. Вскоре они снова отправились в путь. Мальчик опять устроился в седле впереди учителя, мерно покачиваясь в такт шагам коня, пока они вместе с Хо Ляньюнем углублялись в глухие горные тропы.

К полудню они окончательно свернули с тракта на узкую проселочную тропу. Переправившись через неглубокую речушку и миновав еще парочку поселений, всадники поднялись на пологий склон. Отсюда, с высоты, открывался вид на раскинувшуюся в низине обширную деревню. Ее добротные дома под серыми черепичными крышами едва проглядывали сквозь густую молочную дымку.

— Приехали? — Ли Мэн почувствовал, как натянулись поводья, потер кулачками заспанные глаза и вгляделся в туманные очертания внизу.

— Можешь еще вздремнуть, — Чжао Лои ласково взъерошил ему волосы.

— И так всю дорогу продрых, куда еще спать? — поддразнил его Хо Ляньюнь.

Сонный Ли Мэн даже не подумал обижаться. Он лишь вовсю моргал, стараясь прогнать остатки дремоты, пока они спускались по каменистому склону.

Прошедшие в горах затяжные дожди оставили после себя хрустальную прохладу. Воздух был

напоен живительной влагой, а сизый туман окутывал сонный лес, погружая окрестности в глубокую, таинственную тишину.

Стоило им спешиться и сделать несколько шагов по деревенской улице, как Ли Мэн кожей почувствовал на себе десятки любопытных взглядов. Крестьяне, обедавшие на порогах своих лачуг, замерли с плошками в руках; те, кто споро плел бамбуковые корзины, не прерывали работы, но украдкой косились на чужаков.

Ли Мэн осторожно потянул учителя за край халата, и тот послушно склонился к нему.

— Почему они все так на нас смотрят? — прошептал мальчик ему на ухо.

— Не бойся. В такие глухие деревни чужаки забредают редко. Стоит кому-то показаться у околицы, как новость тут же разлетается по всем дворам, — тихо объяснил Чжао Лои и протянул ему ножны своего меча. Ли Мэн крепко ухватился за них и принялся с любопытством озиаться. Здешние места казались дикими, затерянными во времени. На глиняных стенах некоторых домов красовались огромные бычьи черепа, выкрашенные в черный цвет и расписанные причудливыми киноварными узорами.

Навстречу им неспешно вышла дородная женщина в узорчатом платке. Она бесцеремонно ткнула корзиной прямо в грудь Чжао Лои и настойчиво выпалила:

— Покупай!

Хо Ляньюнь достал из кошель горсть мелкого серебра, но торговка недовольно насупилась и замахала руками:

— Много! Слишком много!

— Пустяки, хозяйюшка, купишь себе новый наряд, — лучезарно улыбнулся Хо Ляньюнь. — Мы лишь хотим разузнать кое-что.

Женщина подозрительно смерила взглядом обоих мужчин, но стоило ей перевести взор на испуганного мальчугана, как она смягчилась. На ломаном государственном наречии она заговорила, указывая куда-то на юг:

— Покупай... Семья Фэн... зятя покупает. — Она ткнула пальцем в сторону Ли Мэна. — Этот малец в самый раз. За него хорошую цену дадут!

Не дав Хо Ляньюню вставить и слова, торговка развернулась и зашагала прочь. На ходу она то и дело оглядывалась и успокаивающе махала рукой сбежавшимся поглазеть односельчанам, показывая, что тревога ложная.

Чжао Лои слегка потянул за ножны, привлекая внимание ученика, и сухо заметил:

— Слыхал? Останешься здесь, за тебя приличный выкуп дадут.

Кто-то легонько подтолкнул Ли Мэна в спину — это Хо Ляньюнь с усмешкой подхватил шутку:

— А что, отличная мысль! Ступай в эту семью Фэн примакон. Всяко лучше, чем с твоим суровым учителем по дорогам пыль глотать да лиха хлебать!

Чжао Лои тут же задвинул плачущего от смущения Ли Мэна себе за спину, будто защищая от нападков. Хо Ляньюнь лишь покачал головой от такой показной опеки и, поборов усмешку, отправился расспрашивать прохожих.

Тем временем Чжао Лои, не спеша ведя Ли Мэна за руку, устроился в тени раскидистой старой акации. Сходяв к уличному торговцу, он принес дымящуюся пиалу с гречишной лапшой и молча пододвинул ее мальчику.

Пока Ли Мэн, уплетая горячую лапшу, утирался рукавом от выступившего пота, к ним вернулся Хо Ляньюнь, нагруженный целой охапкой плетеных корзин.

— В восточной части деревни, аккурат возле трехэтажного терема старосты, и находится поместье семьи Ван, — доложил он.

Вдруг Хо Ляньюнь заметил, как Чжао Лои торопливо прячет за спину бамбуковую шпажку. В нос ударил пряный аромат жареного масла: неподалеку прямо на улице вовсю шкворчали лакомства из сушеных насекомых.

Будучи знатным господином, Хо Ляньюнь повидал свет и пробовал яства куда изысканнее. Однако вид того, как эти двое преспокойно лакомятся уличной стряпней, пока он сбивал ноги в поисках дороги, привел его в бешенство. Подскочив к Чжао Лои, он в шутливом гневе пнул его по голени:

— Да сколько можно жрать! Прибудем в поместье семьи Ван — там и набьем утробу!

— Не обращай на него внимания, — невозмутимо бросил Чжао Лои ученику, когда они тронулись в путь.

— Вообще-то я все слышу! — Хо Ляньюнь раздраженно закатил глаза.

— Вот и ладно, — лаконично отозвался Чжао Лои и замолчал.

Гладкие, некогда холодные ножны меча теперь приятно грели ладонь Ли Мэна. Мальчик подумал, что угрюмый учитель в глубине души очень даже заботливый. На душе стало тепло и спокойно, и он послушно поспешил следом за ним.

В восточной части деревни, среди приземистых крестьянских изб, высился добротный трехэтажный деревянный сруб. Рядом с ним располагались ворота — узкие, но высеченные из массивного серого камня. На фоне простых деревянных построек эта величественная каменная арка высотой в несколько человеческих ростов выглядела чужеродно и сразу приковывала взгляд.

Посреди каменной притолоки красовался глубоко высеченный, размашистый иероглиф «Ван».

На каменных косяках виднелись глубокие зарубки от сабельных ударов. Чжао Лои подошел ближе и провел пальцами по старым сколам.

— Следы давние, — обратился он к Хо Ляньюню. — В Фэнъяне всю охотятся на уцелевших наследников семьи Ван. Стражники наверняка наведывались и сюда, но ломать ворота не стали. Возможно, внутри кто-то есть.

Он несколько раз тяжело ударил кулаком по дереву, но на стук никто не отозвался.

Хо Ляньюнь приблизился. Сама арка была каменной, но ворота закрывали тяжелые дубовые створки. Прильнув глазом к узкой щели, он прислушался, а затем жестом попросил Чжао Лои отойти.

Обнажив клинок, Хо Ляньюнь осторожно просунул острие в проем. Изнутри раздался глухой скрежет дерева о дерево. Спустя мгновение тяжелый засов с грохотом рухнул на землю.

— Готово! — Хо Ляньюнь с облегчением выдохнул, но, обернувшись, обнаружил, что спутников и след простыл.

— Эй?.. — Хо Ляньюнь растерянно захлопал глазами, оказавшись лицом к лицу с разгневанными местными жителями. Двое здоровяков угрожающе сжимали в руках мотыгу и серп. Чуть поодаль какой-то парнишка всю колотил в дверь дома старосты, истошно что-то выкрикивая на местном наречии.

Крестьяне мрачно надвигались на незваного гостя, буравя его яростными взглядами.

— Вор! — враждебно процедил один из них, тыча пальцем.

Хо Ляньюнь невольно усмехнулся и, изогнув бровь, указал на себя:

— Это я-то вор?

Тяжелое железное лезвие мотыги уперлось ему прямо в грудь.

— Ты! Воровать пришел! — крестьянин мотнул головой в сторону приоткрытых ворот, безмолвно доказывая его вину.

Хо Ляньюнь мысленно выругался. Оправдываться перед разъяренными мужиками было бесполезно. Он отчаянно огляделся по сторонам, пытаясь отыскать взглядом Чжао Лои и мальчишку, но те словно сквозь землю провалились.

В этот момент из ворот усадьбы вывели заспанного, растрепанного старосту. Тряхнув седой головой, старик тяжело задышал и зычно прокричал:

— Что за наглец посмел безобразничать в нашей деревне Даяо? Скрутить мерзавца, отволочь к родовому алтарю да утопить в свином садке!

Хо Ляньюнь лишился дара речи.

Один из мужиков поспешно припал к уху старосты, возбужденно шепча и размахивая руками.

— А, и то верно, — закивал староста, поглаживая длинную белую бороду. — В садках-то мы обычно блудников топим... Ладно, всыпьте ему батогов да гоните взашей. — Старик сощурился, сился разглядеть Хо Ляньюня сквозь пелену слезящихся глаз, и сокрушенно вздохнул: — Эх, парень... Молод, пригож собой, а умом обделен. Жаль губить такую спину розгами. Пожалуй, лучше все-таки в садок...

Терпение Хо Ляньюня лопнуло. Легким движением клинка он отшвырнул упиравшуюся в грудь мотыгу. Крестьянин, не удержав равновесия, шмякнулся на землю и испуганно задрожал.

— Вас я и пальцем не трону! — сердито бросил он и, выудив из-за пазухи тяжелую костяную плашку, сунул ее под нос старосте. — Настоящим заявляю: я прибыл по личному распоряжению маркграфа Цзиньяна, дабы расследовать дело об убийстве хозяина здешнего поместья, Ван Ба. Ты здесь староста?

Старик дрожащими руками принял жетон, поднес его к самому носу, а затем недоверчиво оглядел Хо Ляньюня с головы до ног.

— Надо же... В нашей глуши испокон веков убийств не бывало, государь о нас и не слыхивал. А этот Ван Ба, видать, важная птица, коли за один месяц вы уже третья орава следователей. — Староста хрипло раскашлялся, убрал жетон и гостеприимно указал на свои двери: — Раз уж вы от самого двора присланы, будем действовать чин по чину. Прошу в дом, испить чаю да обсудить все не торопясь.

Схватив Хо Ляньюня за рукав сухой, как ветка, рукой, старик потащил его за собой. Крестьяне, все еще сжимая в руках косы и мотыги, настороженно поплелись следом.

Возле ворот поместья воцарилась тишина.

Два силуэта бесшумно скользнули с крыши во двор. Чжао Лои придержал ножнами готовую захлопнуться створку ворот и жестом позвал ученика.

— Идем, — тихо скомандовал он.

— Учитель, а как же второй шишу?.. — Ли Мэн с тревогой покосился на деревянный дом старосты, куда увели Хо Ляньюня.

— Пускай посидит в своем «садке». Пока он там зубы заговаривает, у нас есть время все осмотреть, — бесстрастно отозвался Чжао Лои.

Ли Мэн юркнул следом за ним во внутренний двор и послушно задвинул за собой тяжелый засов.

<http://bllate.org/book/18266/1761833>